

к 110-летию со дня рождения О.ф. Берггольц

75 лет Победы в
Великой
Отечественной
войне

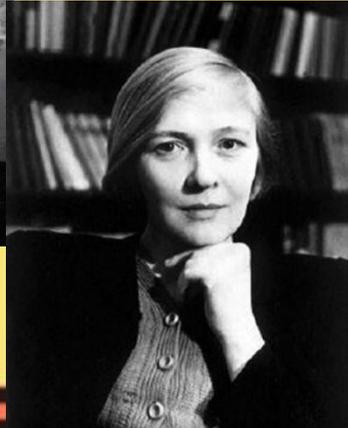
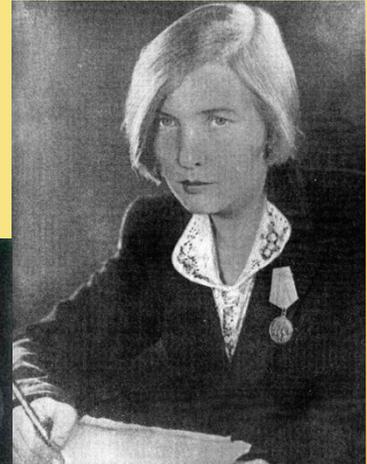
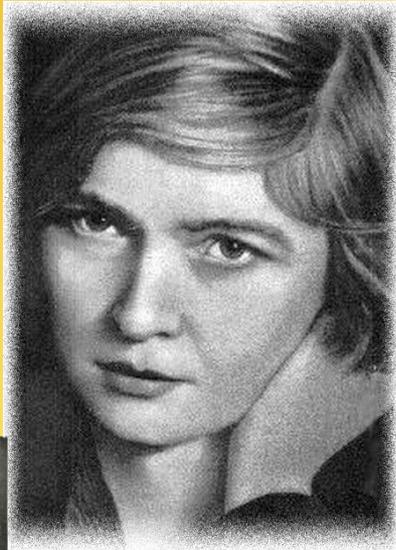

Блокадная ласточка

Весной сорок второго года
множество ленинградцев
носило на груди жетон -
ласточку с письмом в
клюве.

Сквозь года, и радость, и невзгоды
вечно будет мне сиять одна -
та весна сорок второго года,
в осажденном городе весна.

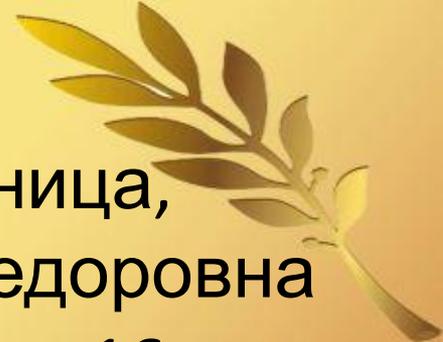

<http://zagalni-istorii.ru>

Русская писательница,
поэтесса Ольга Федоровна
Берггольц родилась 16 мая
(по старому стилю - 3 мая)
1910 г. в Петербурге в
семье врача. Семья жила
на рабочей окраине
Петербурга в районе
Невской заставы, где
прошли детские годы
будущей поэтессы.

В 1920-х гг. Ольга Берггольц училась в трудовой школе. Ее первые стихи были опубликованы в 1924 г. в заводской стенгазете, а через год Ольга Берггольц вступила в литературную молодежную группу "Смена".

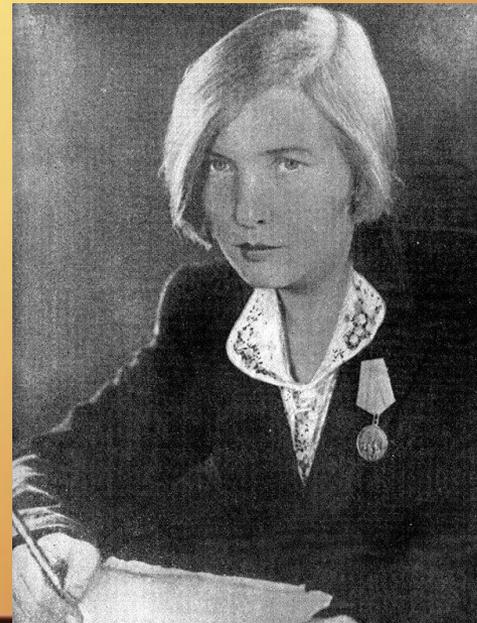

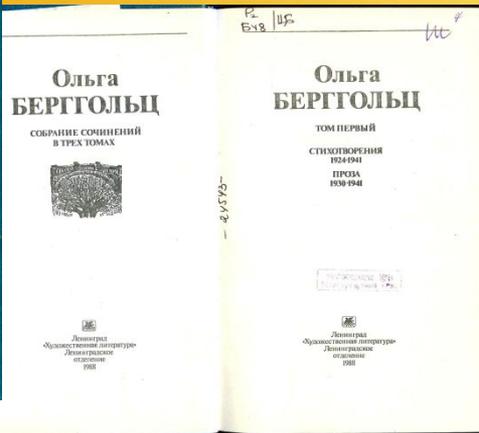

В 1926 г. она стала студенткой Высших государственных курсов искусствоведения при Институте истории искусств, а через несколько лет была переведена в Ленинградский университет.

В 1930 г. Берггольц окончила филологический факультет Ленинградского университета и по распределению уехала в Казахстан, где стала работать разъездным корреспондентом газеты "Советская степь"

Вернувшись в Ленинград, Ольга Берггольц в течении трех лет работала редактором в многотиражке завода "Электросила". Позднее работала в газете "Литературный Ленинград".

В 1932-1935 гг. вышли первые сборники Ольги Берггольц с которых начинается ее известность, как поэтессы. Среди ее произведений того времени - поэмы, стихотворения, рассказы, повести, пьесы, публицистика: повесть "Углич" (1932), сборник очерков, написанных в Казахстане "Глубинка" (1932) сборник лирики "Стихотворения" (1934), повесть "Журналисты" (1934), сборник рассказов "Ночь в "Новом мире" (1935), повесть "Зерна" (1935), сборник "Книга песен" (1936). Многие из этих произведений входят в 1 том собрания сочинений Ольги Берггольц.

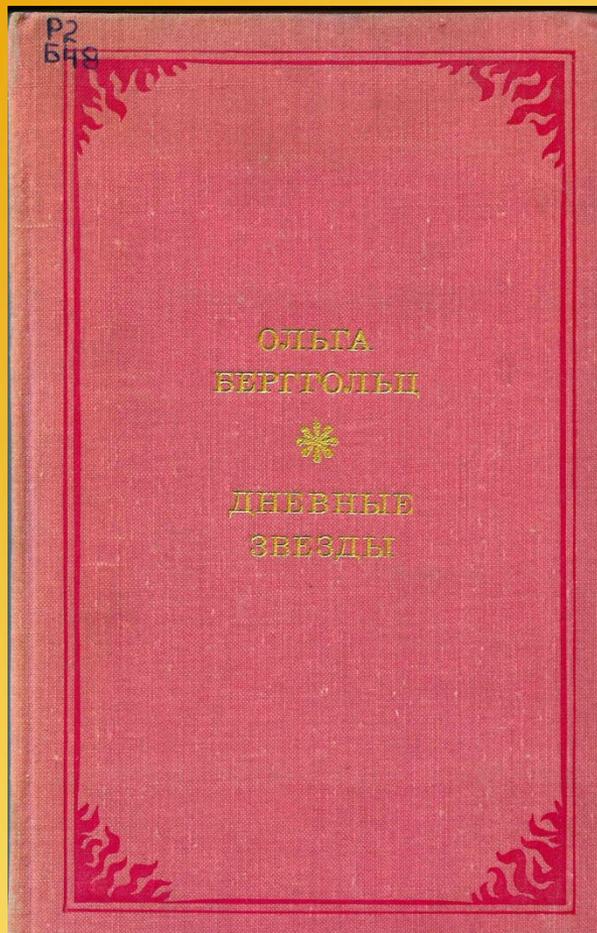

В декабре 1938 г. Ольгу Берггольц арестовали, обвинив в том, «что она являлась активной участницей контрреволюционной террористической организации».

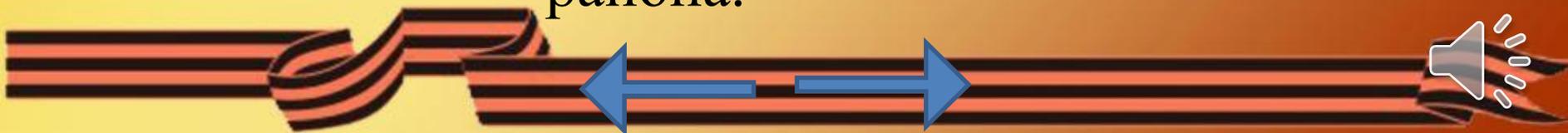
Позже в ее следственном деле № П-8870 было записано: «...Бергольц О. Ф. (в деле фамилия Берггольц везде пишется с ошибкой) было предъявлено обвинение в том, что она являлась активной участницей контрреволюционной террористической организации, ликвидированной в г. Кирове, готовившей террористические акты над т. Ждановым и т. Ворошиловым; в том, что квартира Бергольц в г. Ленинграде являлась явочной квартирой террориста Дьяконова Л. Д., который в 1937 г. приезжал к ней и совместно с ней намечал план убийства т. Жданова, т. е. в пр. пр. ст. 58-8, 58-10 и 58-11 УК РСФСР. Постановлением Управления НКВД ЛО от 2 июля 1939 следственное дело по обвинению Бергольц О. Ф. за недоказанностью состава преступления производством прекращено. 3 июля 1939 г. Бергольц О. Ф. из-под стражи освобождена».

В июле 1939 после освобождения, Ольга Федоровна начала писать прозу – впоследствии эти страницы вошли в ее книгу «Дневные звезды».

В книге «Дневные звёзды Ольга Берггольц рассказывает, как она бывала в Новгородской области. Этому посвящена статья в «Новой новгородской газете» - [«На пригорочке среди сосен»](#), где говорится о том, как Ольга Берггольц 70 лет назад оказалась в деревне Старое Рахино Крестецкого района.

Творческая зрелость приходит к Берггольц в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Во время блокады Ленинграда Ольга Берггольц находилась в осажденном фашистами городе. В ноябре 1941 г. ее с тяжело больным мужем должны были эвакуировать из Ленинграда, но муж умер и Ольга Федоровна осталась в городе.

Оставаясь в осажденном Ленинграде, она все дни блокады работала в Доме Радио, почти ежедневно ведя радиопередачи, позднее вошедшие в ее книгу "Говорит Ленинград". В эти дни Берггольц стала истинно народным поэтом, поделив с ленинградцами все ужасы "смертного времени", вселяя в них надежду своими стихами.

Ольге Фёдоровне Берггольц, журналисту, диктору блокадного Ленинграда, посвящена статья в «Литературной газете» (№18 – 2015) – [«И всегда – навстречу жизни».](#)

В годы войны она, подобно тысячам ленинградцев, стойко переживала блокаду и сумела выразить чувства и свои, и многих в своих стихах.

Товарищу, нам горькие
дни,
Трозят небывалые беды,
Но мы не забыты с тобою
дни.

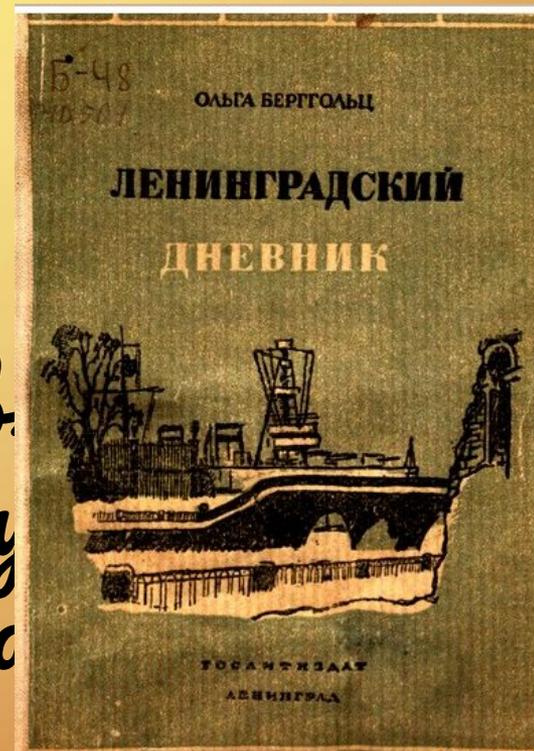
Ольга Берггольц почти ежедневно выступала по радио, обращаясь к жителям осаждённого города. Её негромкий певучий голос, в котором слились боль, сострадание и героизм защитников Ленинграда, говорил правду о городе, ничего не сглаживая, не украшая. И вся страна знала, что Ленинград и в кольце блокады продолжает жить и бороться. Любовь к Родине и способность заслонить другого – вот что помогло выжить и выстоять.

*Я говорю с тобой под свист снарядов
узрютым заревом озарена.
Я говорю с тобой из Ленинграда
страна моя, негальная страна*

К Дню Красной Армии был написан «Ленинградский дневник» («Февральский дневник») и прочитан в эфире 22 февраля 1942 года. Это произведение вышло далеко за рамки радиопередачи и обеспечило автору место в истории. Трагедия и мужество ленинградцев Ольга Берггольц выражает простыми словами и образами:

*Был день как день.
Ко мне пришла подруга,
не плача, рассказала, что в
единственного схоронила дру
и мы молчали с нею до утра*

Ольга БЕРГГОЛЬЦ

ГОВОРИТ ЛЕНИНГРАД

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

В одну из очень холодных январских ночей сорок второго года — кажется, на третий день после того, как радио перестало работать почти во всех районах Ленинграда, — в радиокomiteте, в кабинете литературного отдела, была задумана книга «Говорит Ленинград».

Была составлена ее план. Тогдашний художественный руководитель радиокomiteта Я. Л. Бабушкин, редактор литературного отдела Г. Макогоненко и я трудились над планом почти до утра, возле единственной, в четверть накала горевшей лампы, прикритой газетным кульком.

За окном в ледяной крошевой тьме незаметно грохотали взрывы; в большой продолговатой комнате на раскладушках, на двинутых креслах, на диванах, устроившись вдоль стен (отчего комната походила на огромный вагон), тяжело, со стоном, с глухим борготаньем, в пальто, валенках и шаржах спали сотрудники отдела — все отечные или высокие; один из них, журналист Правдич, не вздыхал и не бормотал; наверное, он был уже мертв. Утром мы обнаружили, что это так и есть.

Эта ночь — 10 января 1942 года — была для меня, как и для моих собеседников, одной из самых счастливых и вдохновенных ночей в жизни. Она была такой потому, что, начав размышлять о книге «Говорит Ленинград», мы неожиданно для себя впервые с начала войны отгнулись на путь, пройденный городом, его людьми, его искусством (нашим радиокomiteтом в том числе), и изувальсь этому страшному и блистательному пути, и оттого буквально физически, с ознобом восторга, ощутили, что, несмотря на весь ужас сегодняшнего дня, не может не прийти то хорошее, естественное, умное человеческое существование, которое изменится «мирном», и нам показалось, что и победа, и мир придут очень скоро — ну просто на днях!

Потому мы, голодные и слабые, были горды и счастливы и ощущали чудотворный прилив сил.

— А ведь все-таки, наверно, доживем, а? — воскликнула Яша Бабушкин. — Знаете, дико хочется дожить и посмотреть, как все это будет. Верно?

Он смущенно засмеялся, быстро взглянул на нас, блестя большими светлыми глазами, и во взгляде его была такая истерическая, жадная просьба, что мы поспешно проговорили:

— Конечно, доживем, Яша, обязательно! Все доживем!

А мы отчетливо видели, что он очень плох, почти «не в форме». Он давно отек, позеленел, уже с трудом поднимался по лестнице; он очень мало спал и очень много работал, и, главное, — мы понимали, что изменить это невозможно (он тащил на себе столько работы и столько людей, один оркестр чего стоил!), мы знали, что он не умест и не будет беречь себя, что мы лишены возможности хоть чем-нибудь помочь ему, и, наверно, потому мы поспешили ответить, что доживем, доживем, все доживем.

Он счастливо улыбнулся, помолчал, как бы прислушиваясь к ответу, и медленно опустил веки. Они были воспаленные, темные, тяжелые. И, как всегда, когда Бабушкин закрывал глаза, мальчишеское лицо его сразу постарело, стало измученным и необратимо большим. Мы только переглянулись, а он вдруг, не открывая глаз, медленно, тихо проговорил:

Вот он, большелобый такой ханя,
перед опытом наморщил лоб,
Книга — «Вся земля» — выискиваем имя.
Век двадцатый, Воскресенье кого 6?

Потом помолчал и с нарастающей силой продолжил:

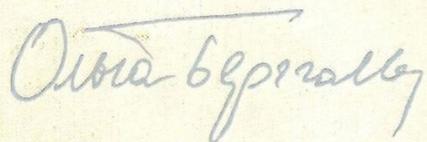
Непросто складывалась судьба Ольги Федоровны и после Победы. Знаменитое постановление 1946 года о ленинградских журналах сказалось и на ней:

Берггольц поставили в вину хорошее отношение к Анне Ахматовой и продолжение в мирное время темы военных страданий. После войны вышла книга «Говорит Ленинград» о работе на радио во время войны, но скоро ее изъяли из библиотек.

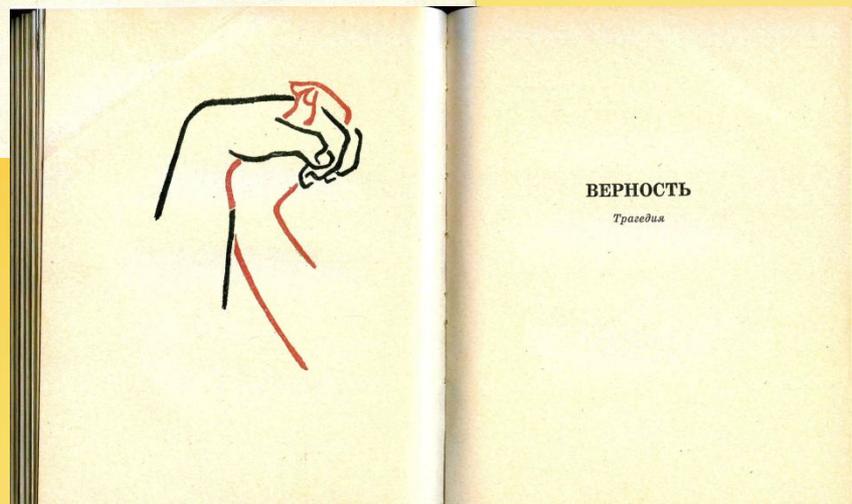

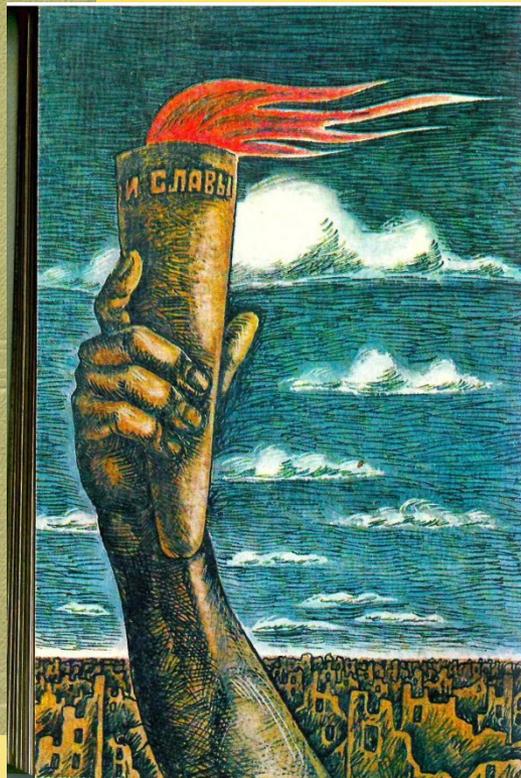
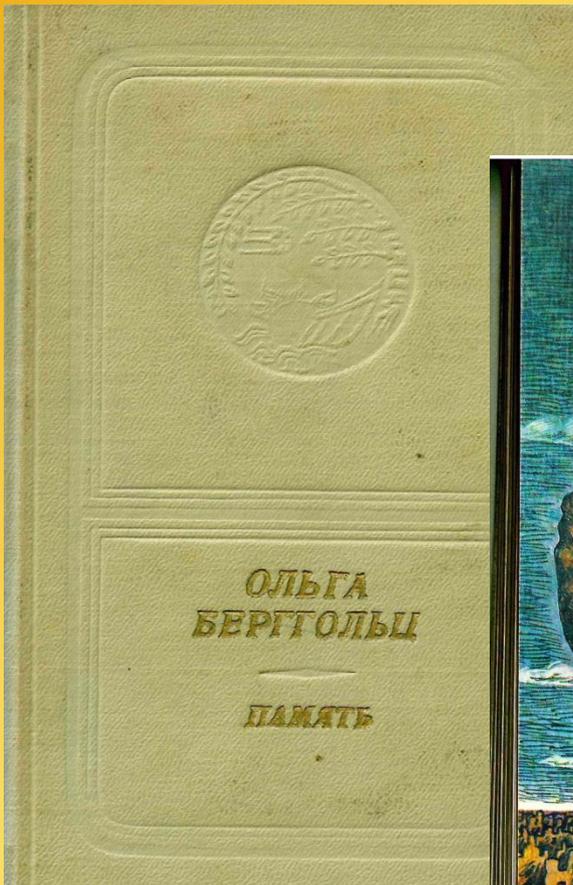
В 1952 году Ольга Берггольц написала пьесу «Они жили в Ленинграде», а после командировки в освобождённый Севастополь создала трагедию «Верность» в 1954 году.

Ольга Берггольц

В этом же году она написала цикл стихов о Сталинграде.

ПОБРАТИМЫ

Михаилу Светлову

Мы шли Сталинградом, была тишина,
был вечер, был воздух морозный кристален.
Высоко крещенская стлыла луна
над стрелами строек, над щебнем развалин.

Мы шли по каленой гвардейской земле,
по набережной, озаренной луною,
когда перед нами в серебряной мгле,
чернея, возник монумент Хользунова.
Так вот он, земляк сталинградцев, стоит,
участник воздушных боев за Мадрид...

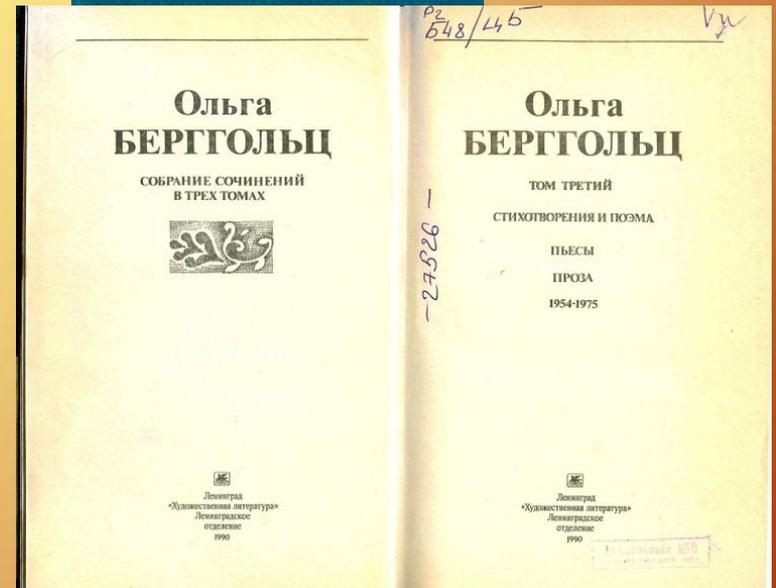
И вспомнилась песня как будто б о нем,
о хлопце, солдате гражданской войны,
о хлопце, под белогвардейским огнем
мечтавшем о счастье далекой страны.
Он шел, озирая
родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Но только, наверно, ошибся поэт:
тот хлопец — он белыми не был убит.
Прошло девятнадцать немислимых лет, —
он все-таки дрался за город Мадрид.

125

Дневники, которые поэтесса вела много лет, при её жизни не были опубликованы. После смерти Ольги Берггольц её архив был конфискован властями и помещен в спецхран. Фрагменты дневников и некоторые стихотворения появились в 1980 году в израильском журнале «Время и мы». Большинство не публиковавшегося в России наследия Берггольц вошло в 3-й том собрания её сочинений.

Страна оценила ее заслуги – Ольга Берггольц получила орден Трудового красного знамени, орден Ленина, несколько медалей, но главным для нее стало звание «ленинградской Мадонны», пришедшее куда раньше официального успеха. Ее строки, известные сейчас всему миру, высекли на граните стены Пискаревского кладбища-мемориала: «Никто не забыт и ничто не забыто».

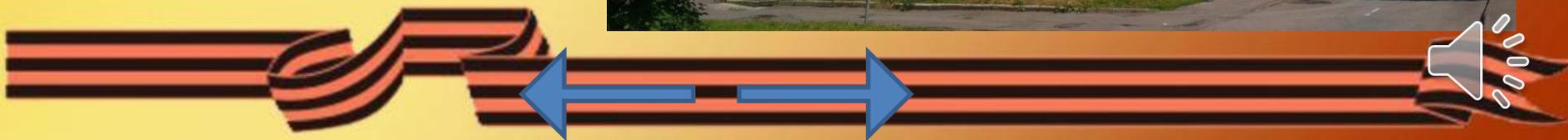
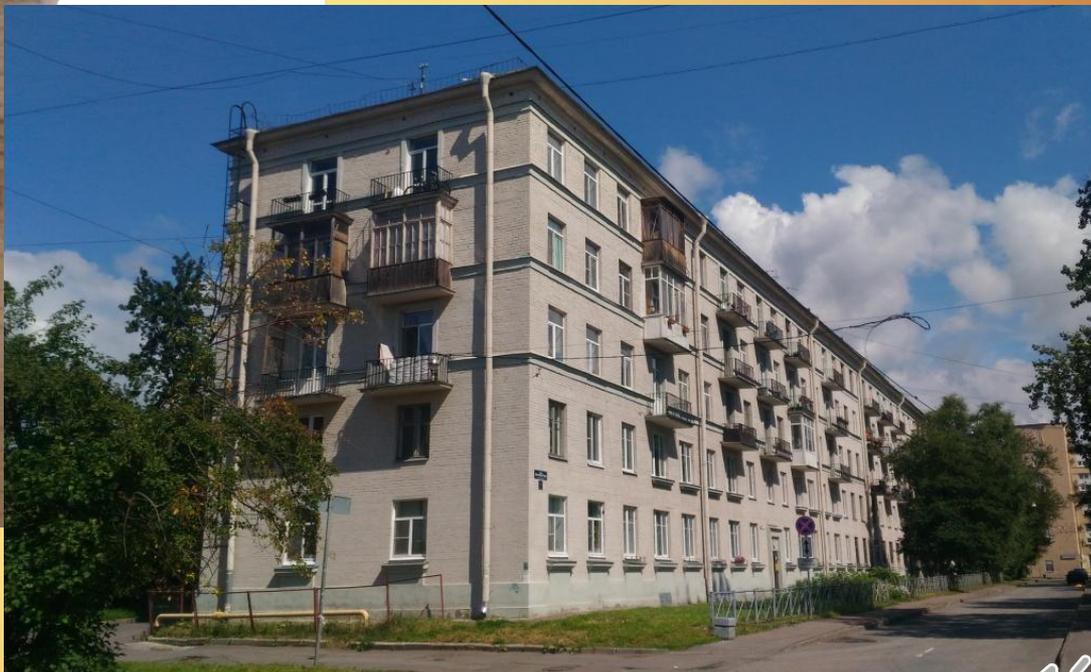
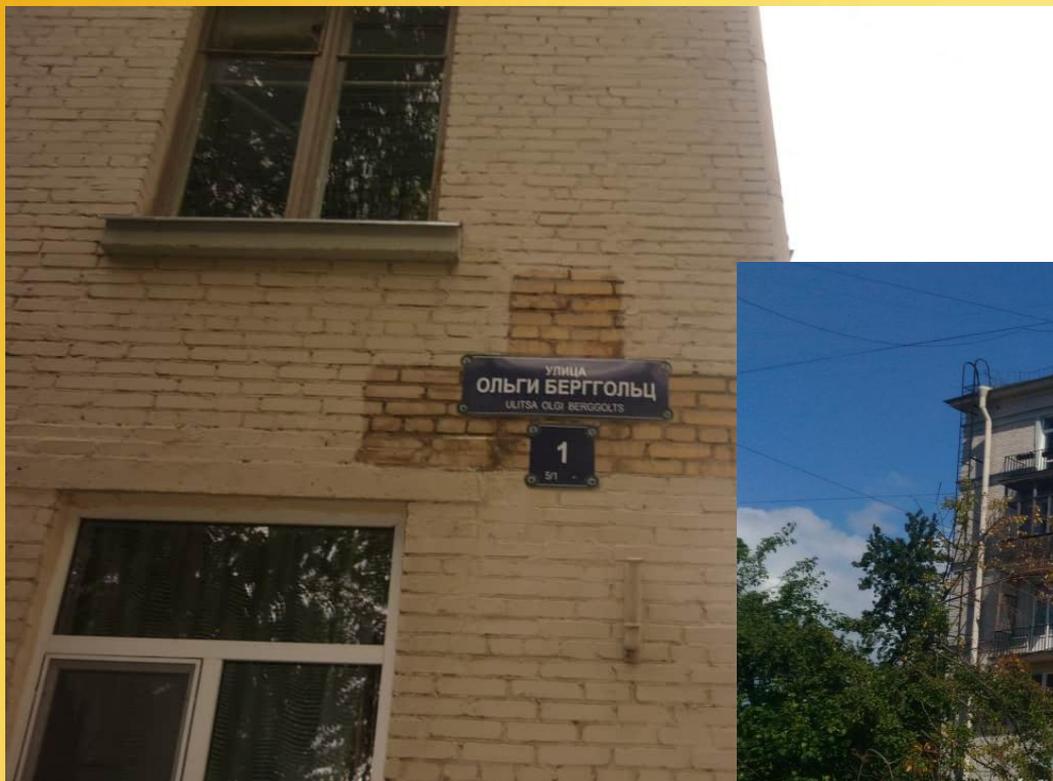
Мало кто знал, что у Берггольц была и другая, тайная биография. Истории этой другой жизни посвящена статья в журнале «Караван историй» (№1 – 2015) – [«Ольга Берггольц: Живой символ блокады Ленинграда»](#).

ЗДЕСЬ ЛЕЖАТ ЛЕНИНГРАДЦЫ.
ЗДЕСЬ ГОРОЖАНЕ МУЖЧИНЫ, ЖЕНЩИНЫ, ДЕТИ.
РЯДОМ С НИМИ СОЛДАТЫ-КРАСНОАРМЕЙЦЫ.
ВСЕЮ ЖИЗНЬЮ СВОЕЮ
ОНИ ЗАЩИЩАЛИ ТЕБЯ, ЛЕНИНГРАД.
КОЛЫБЕЛЬ РЕВОЛЮЦИИ.
ИХ ИМЕН БААГОРОДНЫХ МЫ ЗДЕСЬ ПЕРЕЧИСЛИТЬ НЕ СМОЖЕМ.
ТАК ИХ МНОГО ПОД ВЕЧНОЙ ОХРАНОЙ ГРАНИТА
НО ЗНАЙ, ВНИМАЮЩИЙ ЭТИМ КАМНЯМ
НИКТО НЕ ЗАБЫТ И НИЧТО НЕ ЗАБЫТО.

Именем Ольги Берггольц названа улица
в Невском районе Санкт-Петербурга.

На улице Рубинштейна, 7, где жила Ольга Берггольц, открыта мемориальная доска. Об этой улице и жившей на ней Ольге Фёдоровне рассказывается в статье журнала «Вокруг света» – [«...Нас вместе называют – Ленинград»](#) (№10 – 2003). Еще один бронзовый барельеф ее памяти установлен при входе в Дом радио.

Ольга Федоровна Берггольц скончалась 13 ноября 1975 года. Желание музы блокадного Ленинграда лежать после смерти на Пискаревском кладбище, среди умерших в блокаду друзей, не исполнилось – поэтессу похоронили на Литераторских мостках (Ленинградское Волково кладбище).

3 октября 1994 г. президент России Борис Ельцин издал указ "Об увековечении памяти О. Ф. Берггольц», согласно которому памятник поэтессе должны были поставить на ее могиле в первом полугодии 1995 г., но сестра Ольги Берггольц не захотела ничего менять на могиле. Памятник на могиле поэтессы появился только в 2005 году.

В 2019 году к 75-й годовщине полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады, к наступающему 110-летию со дня рождения Ольги Берггольц у писателя Михаила Кураева родилась идея создания оратория «Ленинградский дневник».

О том как проходило данное мероприятие говорится в статье «Литературной газеты» (№48 – 2019)– [«По праву разделённого страдания»](#).

Спасибо за
внимание!

